

Это, естественно, было самым последним, из того что хотел бы видеть правитель. В порыве чувств Император Великой Ци под предлогом инспекционной поездки приказал начать строительство в Шу и возвести там правительственную резиденцию. Тем самым он намекал своему младшему брату: «Будь осторожнее, я одним взмахом руки могу стереть тебя в порошок». Проблема заключалась в том, что проложить Шуский тракт было невероятно сложно. У богатой и процветающей Великой Ци хватало материальных и финансовых средств на постройку дороги и резиденции, но вот с людскими ресурсами возникли огромные трудности. Доставка строительных материалов оказалась настолько тяжелой, что принесла гибель множеству мужчин, призванных на работы.

В оригинальном романе среди изнуренных тяжелым трудом подданных начали зреть бунтарские настроения. И только когда первый принц подал отцу прошение, написанное кровью, с мольбой временно приостановить работы и дать народу передышку, Император неохотно отступил. Разумеется, монарший указ не мог быть полностью отменен: строительство Шуского тракта и резиденции лишь заморозили. Никто не знал, в какой день работы возобновятся, отчего люди жили в постоянном страхе, а народный гнев закипал с новой силой.

Так кто же в итоге стал козлом отпущения?

Император, разумеется, брать вину на себя не собирался. В подобных случаях виноватой чаще всего объявляют роковую красавицу, вот и на этот раз ответственность взвалили на мать седьмого принца. Причина, по которой си-фэй сделали виноватой, была проста: изначально Император затеял строительство резиденции лишь для того, чтобы отправиться с ней в спонтанное путешествие по своей великой державе. Простых поездок в Цзяннань царственной особе казалось уже недостаточно — требовалось выбрать самый трудный путь. Показать иноземной красавице, присланной в качестве дани, величественные пейзажи Башу — это же придавало такой небывалый престиж!

Неземной красоты си-фэй, которой катастрофически не повезло, из-за этого оказалась под ударом всеобщей ненависти. И это стало одной из причин, почему жизнь седьмого принца после шести лет превратилась в кошмар.

Сановники прекрасно понимали, что Император просто прикрывается женщиной, но упрекать государя не смели. Простые же люди глубоко в суть не погружались, зато с восторгом подхватывали сплетни о том, как правитель губит страну ради женских чар. В результате си-фэй проклинали все кому не лень, да и её дитя, разумеется, не ждало ничего хорошего. В оригинальном романе именно нападки и унижения, вылившиеся из этой истории, стали главной причиной, толкнувшей главного героя к тьме и жестокости.

При одной мысли об этом Лу Цзыяо становилось дурно. Трехлетний малыш Лу Цянь на самом деле был очень светлым и жизнерадостным пухляком, который любил поесть, поспать и поиграть в игрушки. Когда он радовался, то даже сам подставлял щеки, давая их потискать, — в нем не было ни капли той мрачной, зловещей и своенравной натуры, проявлявшейся во второй половине романа.

Читая книгу, Лу Цзыяо восхищался взрослым главным героем: его умением прятать кинжал за улыбкой, притворяться овечкой, чтобы проглотить тигра, словно обладатель «Оскара», и гениально ставить обидчиков на место. Но теперь, оказавшись внутри этой истории, Лу Цзыяо чувствовал лишь боль в сердце от мысли о том, как этого пухлого малыша шаг за шагом заставят превратиться в жестокое и страшное чудовище. К тому же у мальчугана с рождения было особенное мышление, склонное к эмоциональной черствости и холоду. Если подтолкнуть его таким испытанием, Лу Цзыяо мог навсегда забыть о попытках его исправить и вылечить.

А значит, лучшим выходом было задушить проблему в зародыше.

Строительство Шуского тракта в конце концов сошло на нет, но унесло десятки тысяч жизней обычных людей. Если бы Лу Цзыяо удалось с самого начала избавить Императора от этой глупой затеи, это не только облегчило бы детство седьмого принца, но и косвенно предотвратило бы гибель множества людей. А за такое ему могли бы начислить десятки тысяч очков искупления!

Десятки тысяч очков искупления!

Этого хватило бы, чтобы открыть абсолютно все начальные магазины!

Кубик Рубика в духовном пространстве содержал не только продуктовый магазин. На его нижнем ярусе располагались девять граней, отвечавших за продукты, ткани, лекарственные травы, семена сельскохозяйственных культур, древесину, сталь, книги и другие ресурсы. Для каждого из девяти видов ресурсов существовали второй и третий уровни кубика Рубика. Как и в случае с продуктами, второй уровень позволял менять частоту обновления, а на последнем можно было искать любые необходимые предметы.

С такими запасами, даже если Лу Цзыяо не удержался бы при дворе, он мог бы обменивать редкие снадобья и ткани, а затем продавать их торговцам. И если жизнь во дворце станет невыносимой, он просто отправится в Цзяннань, купит усадьбу и откроет небольшое дело, дав отпор мрачной судьбе, где взрослый пухляш мог отрезать ему уши и пытаться.

От одной этой мысли становилось тепло на душе!

Однако реальность оказалась суровой: на его счету оставалось всего тридцать шесть очков искупления. Порой ему безумно хотелось сладкого, но он не смел потратить очки даже на один маленький кусочек торта.

Бедность порождала в Лу Цзыяо невероятные амбиции. Ему очень хотелось воспользоваться этим шансом, но воплотить задуманное было слишком сложно. Император относился к той породе людей, что не прольют слез, пока не увидят гроб. Даже когда постройка Шуского тракта вызвала волну народного гнева, он уступил только после кровавого прошения старшего сына. Как восьмилетний персонаж второй роли, не обладающий авторской защитой главного героя, мог повлиять на государя? Высовываться бездумно было нельзя.

Лу Цзыяо решил действовать через си-фэй, чтобы она отговорила Императора от дурной затеи. Впрочем, мысли государя были заняты в первую очередь запугиванием брата, так что полностью стереть из его головы идею с Шуским трактом могло не получиться. Но следовало сделать так, чтобы си-фэй с самого начала категорически отказалась от «путешествия», четко переложив ответственность и подарив седьмому принцу спокойное детство.

*

Вернувшись в тот день в резиденцию Сюэ, наложница Чжоу пришла в спальню Лу Цзыяо с кулинарным коробком в руках. Сияя от счастья, она открыла крышку и достала блюдо со свежими креветочными дамплингами, велел Лу Цзыяо съесть их, пока не остыли.

— Откуда это? — искренне удивился Лу Цзыяо.

Его родная мать отличалась боязливым нравом. Обычно она даже не смела садиться за общий обеденный стол, довольствуясь обедками, и жила ничуть не лучше слуг в резиденции Сюэ. Где

же она раздобыла такое лакомство?

— Старая госпожа пожаловала тебе, — расплылась в счастливой улыбке наложница Чжоу. — Я сегодня с самого утра стояла у дверей главной залы и не зря ждала, когда старая госпожа начнет раздавать угощения! Служанка госпожи Чэнь всё еще ждала в гостиной, но не успела пойти доложить своей госпоже, как я уже перехватила блюдо!

Наложница Чжоу, словно маленькая девочка, урвавшая невероятную добычу, торопливо взяла палочки, подхватила сочный креветочный дамплинг и поднесла его к губам Лу Цзыяо.

Сердце Лу Цзыяо трепетно сжалось. Он ошеломленно смотрел на счастливое, гордое лицо наложницы Чжоу. В такую летнюю жару она простояла у залы полдня, лишь бы «вырвать кусок мяса» из пасти госпожи Чэнь ради своего сына. Есть ли у каждой матери эта удивительная, жертвенная упрямость?

Однако стоящая напротив наложница Чжоу сейчас вовсе не походила на любящую мать. Скорее она напоминала ребенка, ожидающего похвалы от старших, держащего палочками дамплинг и ждавшего, когда Лу Цзыяо откроет рот.

Возможно, понимая, что по её вине сын терпит лишения, наложница Чжоу обычно не смела лишний раз беспокоить Лу Цзыяо. Она знала, что не может дать ему ничего хорошего, а излишняя близость лишь заставит госпожу Чэнь еще сильнее возненавидеть этого сына от наложницы. Поэтому всю свою материнскую любовь она прятала глубоко в сердце. Сын был единственным близким человеком, оставшимся в ее жизни, но она не могла проявлять к нему обычную материнскую нежность, ведь являлась лишь наложницей.

Лу Цзыяо впервые столкнулся лицом к лицу с этой затаенной материнской любовью, и в его душе смешались сотни чувств. В своей прошлой жизни, до авиакатастрофы, он был абсолютно лишен материнской ласки. Его прежняя жизнь напоминала дешевую драму: родная мать родила его вне брака, а затем разошлась с отцом, и ни один из них не желал брать на себя лишнюю обузу. Лу Цзыяо перебрасывали друг другу дедушки с обеих сторон, кое-как вырастив. Позже он проявил упорство, выиграл грант на обучение в США, но на каникулах, возвращаясь домой, попал в авиакатастрофу.

В той жизни он почти не знал семейного тепла, поэтому после перерождения несколько не тосковал по родным. Но это вовсе не означало, что он не понимал, что такое родственная связь. Напротив, люди, долго прожившие во тьме, всегда чутко реагируют на свет.

Еще в начальной школе Лу Цзыяо любил ходить по гостям и часто обедал у одноклассников. Смотря на то, как родители его друзей заставляют детей делать уроки, нарезают им яблоки, чистят мандарины или просят съесть еще ложечку овощей, маленький Лу Цзыяо часто наивно улыбался. Нелюбимые дети лучше всего умеют утешать себя чужой радостью.

И в эту самую минуту подлинная материнская любовь в глазах наложницы Чжоу целиком окутывала его.

Счастье обрушилось на него неожиданнее, чем десять тысяч очков искупления. Лу Цзыяо даже растерялся. Он наклонил голову и разом укусил поднесенный дамплинг, но от спешки случайно прикусил кончик палочки.

— Ой! — Лу Цзыяо схватился за передние зубы.

Наложница Чжоу задорно рассмеялась, глядя на милую неловкость сына, но тут же

обеспокоенно попросила его открыть рот, чтобы осмотреть зубы. Убедившись, что всё в порядке, она ласково велела ему есть медленнее и снова поднесла дамплинг.

— Вы тоже поешьте, — Лу Цзыяо подвинул палочки к губам наложницы Чжоу.

— Мы, уроженцы Цзяннани, не очень-то любим мучное, — попыталась отговориться наложница Чжоу. Такого лакомства было всего восемь штук, разве могла она позволить себе съесть хоть одно?

От этой отговорки Лу Цзыяо едва не улыбнулся. По чистой случайности в прошлой жизни он тоже был родом из Цзянсу, из Нанкина, неподалеку от Сучжоу, откуда родом была наложница Чжоу. Их кулинарные привычки почти не отличались: в Нанкине предпочитали более соленую пищу, а в Сучжоу — сладковатую, но дамплинги любили везде.

— Раз уж приехали в столицу, нужно следовать местным обычаям. Даже если не любите, все равно поешьте, — Лу Цзыяо настойчиво пододвинул палочки к ее губам.

Наложница Чжоу отвернулась и, притворившись недовольной, проворчала:

— Я к такому не привыкла, мне даже запах этот не нравится!

<http://bllate.org/book/18379/1766805>